

1

Австрия, 24 апреля 1945 года

Они пьянствовали уже несколько часов.

И пускай орудия союзников утюжили немецкие позиции менее чем в двадцати милях¹ к западу, эти парни в своей новенькой униформе гитлерюгенда пили так, словно завтра никогда не должно было наступить.

Звуки патриотических песен эхом отражались от влажных высеченных в скале стен. Чаще всего этой ночью звучала «Песня дьявола» — «СС идет по вражеской земле». Вновь и вновь раздавались ее слова:

СС идет по вражеской земле
И поет песню дьявола...
Мы бьемся за Германию,
Мы бьемся за Гитлера...

Пивные кружки уже давно опустели, однако шнапс продолжал литься рекой. Стаканы то и дело со стуком опускались на деревянные столешницы, и эхо этого стука отражалось от грубых стен.

Генерал СС Ганс Каммлер — человек с ястребиным лицом, глубоко посаженными глазами и зачесанными назад светлыми волосами — тоже пытался изобразить хорошее настроение, однако практически не притронулся к выпивке.

¹ Миля — британская и американская мера длины. Двадцать миль — более тридцати двух километров.

Он обвел своим сверлящим взглядом огромное пространство, освещенное дюжиной фонарей. Чудовищное оружие, скрытое в недрах этой горы, питалось электричеством, однако сорок восемь часов назад подача энергии была прервана, и машина то и дело отключалась — отсюда и мерцающее освещение, отбрасывающее причудливые тени на стены сводчатого зала.

Собравшиеся здесь парни выкрикивали тост за тостом и опустошали стакан за стаканом. Распаленных идеями нацизма и обилием шнапса, их едва ли могло остановить то, что ждало впереди. Не будет ни возражений в последний час, ни нервных срывов в последнюю минуту. Впрочем, Каммлер и не мог бы такого позволить, ведь в самых дальних и темных тоннелях комплекса скрыта величайшая тайна Рейха.

Это было детище величайших ученых нацистской Германии, известных как «Урановый клуб». Объединив свои усилия, они создали «вундерваффе» — чудо-оружие, равных которому нет.

Великий план Каммлера, являвшийся, возможно, самой хитроумной из всех операций командования СС, заключался в том, чтобы спрятать достижения «Уранового клуба» от наступавших союзников. Потому жертва, которая будет принесена в ближайшее время, была, по мнению генерала, совершенно необходимой.

Каммлер поднял глаза. Почти под прямым углом вверх уходила вентиляционная шахта, открывавшая звездное небо. Когда сквозь нее начнет литься дневной свет, эти шестьдесят парней проснутся с таким похмельем, какого у них, наверное, не было никогда в жизни. Однако похмелье будет наименьшей из проблем, подумал он мрачно.

Высокий и подтянутый, генерал СС встал. Он достал из ножен свой церемониальный меч с тяжелой рукоятью,

украшенной черепом с костями — легко узнаваемой эмблемой «Мертвой головы»¹, — и ударил им по столу. Постепенно шум стих, и на смену ему пришли выкрики:

— Вервольф! Вервольф! Вервольф!

Клич повторялся, становясь все громче и яростнее.

Фанатичные юные нацисты считали, что их готовят к упорному вооруженному сопротивлению силам союзников, занявшим Германию. Отряды ополчения получили название «Вервольф», а их лидером должен был стать сам генерал СС Каммлер, организовавший это ночное собрание.

— *Kameraden!*² — крикнул Каммлер, пытаясь добиться тишины. — *Kameraden!*

Постепенно возгласы стихли.

— *Kameraden*, сегодня вы славно выпили! Ваши тосты были достойны героев Рейха! Но теперь время празднования подошло к концу. Настал момент начать Великое Сопротивление. Сегодня, в этот самый час, вы нанесете могучий удар, важность которого трудно переоценить. То, что вы защищаете здесь, станет залогом нашей безоговорочной победы. Благодаря вашим героическим усилиям мы восстанем в тылу у врага! Благодаря вашим усилиям мы завладеем оружием, которое сделает нас непобедимыми! Благодаря вашим усилиям враги Рейха будут повержены!

Наполненные дикой радостью приветственные крики вновь начали отражаться от стен.

Генерал поднял рюмку для последнего тоста.

¹ Отряды «Мертвая голова» — подразделения СС, отвечавшие за охрану концентрационных лагерей Третьего рейха.

² Товарищи! (нем.) (Примеч. пер.)

— За то, чтобы вырвать победу из когтей поражения! За Тысячелетний Рейх! За Фюрера... Хайль Гитлер!

— Гитлер! Гитлер!

Каммлер со стуком поставил рюмку на стол. Он позволил себе единственную рюмку шнапса для смелости, ведь его совсем не радовала та роль, которую ему предстояло сыграть в этот предрассветный час.

Впрочем, у него еще оставалось время.

— По местам! — скомандовал он. — Занять позиции! Уже пять часов утра, и скоро мы взорвем заряды. — Каммлер окинул взглядом собравшуюся толпу. — Я вернусь. *Мы* вернемся. И когда мы придем, чтобы вызволить вас отсюда, нас уже ничто не сможет остановить. — На мгновение он замолчал. — Самый темный час — тот, что предшествует рассвету, и этот рассвет ознаменует собой новый приход нацистов к власти!

Приветственные крики раздались снова.

Ударив кулаком по столу, Каммлер пламенно воскликнул: — К делу! К победе!

Последние стаканы были опустошены, и темные силуэты начали снова по всему залу. Работа закипела. Именно это и требовалось Каммлеру. Он не мог позволить ни одному солдату начать сомневаться или попытаться улизнуть.

В последний раз проверив, что расположенные в глубине пещеры массивные стальные противоударные двери надежно заперты, Каммлер направился к окутанному тенями входу, где его люди, занятые последними приготовлениями, склонились над катушками со шнурами и взрывателями.

Подбодрив парней в последний раз, генерал вышел за пределы огромного сооружения, известного как Тоннель 88. По правде говоря, Каммлер не знал, сколько всего тоннелей имелось в этом гигантском комплексе. Уверен он был лишь

в том, что сотни тысяч заключенных концлагеря встретили свою смерть, копая сеть тоннелей, испещривших недра горы.

Впрочем, ему было все равно. Он сам стоял за большинством массовых убийств, спланированных его гением. Те, кто здесь погиб — евреи, славяне, цыгане, поляки, все эти унтерменши, недочеловеки, — получили по заслугам. Ничего другого они и не были достойны, считал он.

Нет, тоннель носил номер 88 совсем по иной причине. Восьмая буква немецкого алфавита — «Н», и цифра 88 являлась кодовым обозначением СС для «НН» — «Heil Hitler»¹. Это была личная просьба «высшего фюрера СС» — их главнокомандующего, которым являлся сам Гитлер. Именно здесь должно быть сохранено величайшее достижение нацистской Германии, то, что могло вновь вдохнуть жизнь в Тысячелетний Рейх.

На мгновение Каммлер остановился, чтобы поправить фуражку. По-видимому, она немного сбилась набок за время празднования. Пальцы генерала коснулись черепа, украшавшего ее околыш. Пустые, ничего не выражавшие глазницы этого черепа глядели вдаль, а его беззубый рот оскалился в маниакальной улыбке.

Воистину подходящий символ для того, что скоро должно произойти.

2

Поправив фуражку, Каммлер заговорил со стоявшим рядом с ним человеком, одетым в форму старшего сержанта СС. Этот человек тоже почти не притронулся к алкоголю.

— Конрад, мою машину, будь добр. Мы выедем, как только заряды взорвутся.

¹ Хайль Гитлер (нем.). (Примеч. пер.)

Шарфюрер Конрад Вебер, привычно щелкнув каблуками, поспешил прочь. Слишком старый для своего звания — немалого младше самого Каммлера — Вебер так никогда и не женился и не обзавелся детьми. Рейх, и в особенности СС, были для него всем. Они заменили Веберу семью.

Каммлер повернулся лицом к высокому горному склону. Предрассветное небо уже начало синеть, напомнив ему о том, что надлежало сделать. В этот колдовской час мало кто смог бы заметить взрывы, не говоря уже о том, что вокруг не должно быть ни души. Еще несколько дней назад Каммлер приказал своим бойцам прочесать местность и очистить ее от гражданских, которым не посчастливилось забрести сюда.

Сзади послышалось шуршание шин автомобиля, ехавшего по единственной грунтовой дороге, ведущей в эту глушь. Фары со светомаскировкой, призванной защитить машину и ее пассажиров от ночного налета авиации союзников, пронзили тьму.

Каммлер улыбнулся. Великолепно. Верный Конрад за рулем его штабного автомобиля.

Фары осветили раскинувшееся перед ним пространство, окутанное тенистым сумраком. Благодаря растущему вдоль склонов густому сосновому лесу, зияющий вход в Тоннель 88 и другие такие же входы казались полностью невидимыми. Из каждого выходили переплетенные шнуры, вьющиеся вдоль скалы.

Каммлер дождался, пока водитель остановит машину, заметив, что двигатель остался включенным, как и приказывалось. Шарфюрер Вебер был хорошим человеком и вдобавок показал себя безукоризненно преданным службой. Они понимали и чувствовали друг друга без слов.

Памятуя о том, что должно случиться, генерал ощутил укол сожаления.